

Снова очнувшись, Девятнадцатый по-прежнему лежал в мрачном подземелье. Его внутренняя сила была по-прежнему заблокирована, и без неё боль в теле приходилось терпеть лишь силой воли. Девятнадцатый считал себя совершенно безвольным — потерять сознание от таких пустяковых пыток! Неужели из-за того, что он слишком долго был с Дуаньму Цином, его тело стало настолько изнеженным?

В подземелье было скучно, и Девятнадцатый начал размышлять о целях Шэнь Наня. Тот ничего не спрашивал, а лишь подвергал его пыткам. Неясно было, на кого он нацелен: на него лично или на Башню Цинчэн? Поразмыслив немного и не придя к выводу, он перестал думать и, прислонившись к углу, решил отдохнуть.

Одежда Девятнадцатого давно была порвана, а лекарство, скрывавшее татуировку на плече, смыто водой. Одиноким листок обнажился, и именно его увидел Шэнь Нань, когда вошёл в камеру.

Глаза Шэнь Наня загорелись, а в голосе прозвучала невольная радость:

— Хорошо, что тогда тебя не убили. Если бы не слова молодого хозяина о том, что ты и тот человек...

Он не договорил, поспешно закрыв рот. Если бы молодой хозяин узнал, что он болтал, ему бы не поздоровилось. Методы молодого хозяина он вовсе не желал испытывать на себе.

Девятнадцатый не обратил внимания на его слова, но в душе начал размышлять: это он и кто? Эта фраза была абсолютно непонятной. Он не мог разобраться, кого именно имел в виду Шэнь Нань, знал ли он этого человека и было ли это как-то связано с татуировкой на его теле?

— Давай сотрудничать?

Шэнь Нань каждый день навещал Девятнадцатого. В эти дни он непрерывно подвергал его пыткам, затем лечил, чтобы заставить едва начавшие заживать раны раскрываться снова и сильнее.

Девятнадцатый совершенно игнорировал его, отворачиваясь в сторону. Он был тайным стражем и просто не мог за спиной у хозяина заниматься тёмными делами. Если бы Шэнь Нань не боялся, что Девятнадцатый покончит с собой, и заранее не дал ему порошка, размягчающего сухожилия, этого человека, наверное, уже не было бы в живых.

Прошло три дня с момента похищения, и Девятнадцатый не произнёс ни слова, точнее, даже не издал ни звука, даже сдержанного стога от боли, словно он был немым.

Хотя отношение Девятнадцатого было крайне враждебным, Шэнь Нань, казалось, совершенно не обращал на это внимания:

— Ты уже здесь несколько дней, страдаешь и мучаешься. Скажем так, я должен подарить тебе подарок. Вы, тайные стражи, практикуете мужские искусства, верно? А если превратить их в иньскую, холодную струю, это будет весьма занимательно.

Девятнадцатый уже догадался, что он собирается сделать. Он опустил веки, скрыв выражение глаз.

— Эй, принесите мне Порошок обратного потока.

Сначала Шэнь Нань дал Девятнадцатому противоядие от порошка, размягчающего сухожилия. Когда его внутренняя сила восстановилась, он заставил его принять Порошок обратного потока.

Вскоре на лбу Девятнадцатого выступил холодный пот. Он почувствовал, как истинная ци во всём теле потекла вспять, переворачивая каналы, а в даньтяне разгоралась невыносимая боль. Девятнадцатый крепко сжал губы, руки бессознательно вцепились в солому под ним, и всё тело начало дрожать.

Шэнь Нань стоял рядом, насмешливо наблюдая за ним, и, наконец, не выдержав, вышел из подземелья.

Пережив предыдущую боль, Девятнадцатый почувствовал облегчение. Сейчас всё его тело казалось тёплым, но он знал, что страдания ещё не закончились. Через некоторое время начался новый круг мучений. Девятнадцатый ощущал, будто его кости соскабливают ножом. Казнь линчжи заключалась лишь в вырезании плоти, же боль Девятнадцатого шла из самой глубины костей.

Спустя час мучений Девятнадцатый почувствовал ледяной холод, пронизывающий до костей. Даже в самую морозную зиму, одевшись в лёгкое платье, он бы не замёрз так сильно. Он знал, что действие Порошка обратного потока полностью прошло, и его боевое искусство превратилось в иньскую, холодную школу.

Дуаньму Цин нежно гладил флейту, купленную вместе с Девятнадцатым. Глядя на вещь, он тосковал по человеку. Неужели из-за настроения цвет флейты потускнел, а звук стал более глухим?

В это же время в подземелье Девятнадцатый нащупал флейту, подаренную Дуаньму Цином. Непонятно, почему Лин Чэнь не забрал её.

Глядя на этот символ любви, Девятнадцатый напрягся, не зная, как там тот человек. Неосознанно он заиграл на флейте. Звук был далёким и пустынным, унося тоску вдаль.

Словно в ответ, флейта Дуаньму Цина снова засветилась и даже слегка задрожала. Дуаньму Цин заметил это, и сердце сжалось. Неужели эта флейта способна чувствовать Девятнадцатого? Не играет ли он на ней прямо сейчас?

Услышав звук флейты, Шэнь Нань снова вошёл:

— И в такое время у тебя есть настроение играть на флейте?

Девятнадцатый по-прежнему молчал. Когда Шэнь Нань не приходил, его пытали другие; когда же он приходил, это означало, что он собирался лично доставить ему удовольствие.

И действительно, Шэнь Нань подтвердил догадки Девятнадцатого своими действиями.

Пальцы ломали один за другим. Пальцы связаны с сердцем, и Девятнадцатый от боли судорожно втягивал воздух.

— Теперь ты больше не сможешь играть на флейте, так что я её не забираю. Я не могу получить Дуаньму Цина, и не хочу, чтобы он достался кому-то другому.

Шэнь Нань не собирался убивать его. Сверху был приказ: Девятнадцатый очень полезен,

убивать нельзя. Мучить можно, лишь бы он оставался живым.

Дуаньму Цин направил всех своих подчинённых на масштабный поиск в Городе Лун и окрестных посёлках, непременно найти Девятнадцатого.

— Хозяин, в городе есть заброшенная усадьба, где творится что-то странное, — доложил вернувшийся Семнадцатый.

— Отлично, выступаем немедленно, посмотрим, — Дуаньму Цин сжал флейту и холодно усмехнулся. Посмел тронуть его человека — значит, должен заплатить цену!

На лице Дуаньму Цина было спокойствие, но в сердце уже царил беспокойство. Он жаждал поскорее увидеть Девятнадцатого, узнать, цел ли он, не подвергался ли пыткам.

Шэнь Нань снова пришёл в подземелье проведать Девятнадцатого, но на этот раз не готовил пыток.

— У меня есть старый друг, который попросил меня помочь тебе немного развлечься. Скажем так, раз Дуаньму Цин так хорошо к тебе относится, значит, ты очень хорош в постели? Если хорошо послужишь моему человеку, возможно, я позволю тебе поменьше страдать...

Девятнадцатый продолжал хранить молчание.

Шэнь Нань махнул рукой, и люди вытащили Девятнадцатого наружу. Сейчас он уже не мог ходить. Его изуродовали до неузнаваемости, почти каждый день люди Лин Чэня применяли к нему пытки, а потом сыпали соль на раны.

Девятнадцатому ввели огромную дозу порошка, размягчающего сухожилия, втрое превышающую обычную, а также заблокировали его внутреннюю силу и точки по всему телу, полностью лишив возможности двигаться. Он был парализован, но при этом сохранял ясный рассудок, чётко ощущая окружение и ощущения собственного тела.

Его прямо бросили на кровать, даже не омыв, и кто-то навалился сверху...

Девятнадцатый не мог говорить, и в открытых глазах читалось отчаяние.

Одежду разорвали, потом штаны... Девятнадцатый был тайным стражем и прошёл через множество страданий. С детства его учили не идти на компромиссы ни с кем, кроме хозяина, но сейчас... У него даже не было сил, чтобы укунить язык и покончить с собой. Он ничего не мог сделать, только позволять творить с собой всё, что угодно. Ему было стыдно перед Дуаньму Цином. В сердце он не хотел, чтобы его касался кто-то, кроме Дуаньму Цина... Потому что Дуаньму Цин был его хозяином, потому что положение Дуаньму Цина в его сердце было особенным. Не только хозяин, но и тот, кого он любил.

Когда Дуаньму Цин вышиб дверь и ворвался, он увидел Девятнадцатого, лежащего на кровати с разорванной одеждой. Он с грохотом захлопнул дверь, оставив остальных снаружи.

Девятнадцатый слегка повернул голову и посмотрел. Дуаньму Цин наконец пришёл. Но тут же подумал, в таком виде Дуаньму Цин, возможно, будет испытывать к нему отвращение.

Взгляд отчаяния Девятнадцатого потряс Дуаньму Цина. Он вспомнил отчаянный голос Девятнадцатого перед тем, как тот превратился в прах в прошлой жизни, и сердце его наполнилось страхом.

Человек, находившийся на Девятнадцатом, увидев вошедшего, быстро поднялся. Дуаньму Цин пнул его, сбросив с Девятнадцатого. Глядя на тело, сплошь покрытое ранами, он испытал душевную боль. Девятнадцатый был тем, кого он носил на руках и лелеял, как же он мог допустить, что его так изувечили! Он не мог проглотить это!

Он заберёт этих людей обратно и будет медленно пытаться их, возвращая им боль, причинённую Девятнадцатому, в сотни и тысячи раз превышенную!

К счастью, он успел вовремя, иначе Девятнадцатого бы уже... Обладательность Дуаньму Цина была очень сильной, он не мог вынести, чтобы кто-то ещё видел тело Девятнадцатого. Он не станет презирать Девятнадцатого, но точно не простит тех, кто попытался его изнасиловать!

Девятнадцатый уже потерял сознание. Обняв его, Дуаньму Цин почувствовал, как сильно тот похудел. Всего несколько дней, а Девятнадцатый, должно быть, подвергался здесь нечеловеческому обращению.

<http://bllate.org/book/16706/1535127>